

4. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии/ А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
5. Пашенко В. І. Софокл. // В. І. Пашенко, Н. І. Пашенко // Антична література. – К.: Либідь, 2001. – С. 256 - 290.
6. Франко І. Едіп – цар // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. – Т. 8. – К.: Наукова думка, 1977. – С. 415 - 457.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ТВОРЧЕСТВЕ ДРЕВНЕРИМСКОГО ПОЭТА ВЕРГИЛИЯ

Кириченко Д.

Литературный поворот от неотериков к «классическому» стилю с полной четкостью обнаруживается в творчестве того писателя, который более, чем кто бы то ни было другой, может считаться идеологическим знаменосцем возникающей империи. Одним из них стал Публий Вергилий Марон (70-19 гг. до н. э.), самый прославленный поэт императорского Рима. [6; 368]

В сочиненной им самим краткой эпитафии есть строки: «Я пел пастбища, нивы, вождей». Так обозначены темы трех главных сочинений Вергилия: это его книга стихов «Буколики», земледельческая поэма «Георгики» и самая выдающаяся – историко-мифологическая поэма «Энеида». Вопрос заключается в том, каким же образом проявился миф в творчестве великого античного поэта!?

В сочетании «ученого» и чувственного александринизма с идеалом тихой жизни на лоне природы создалось первое значительное произведение Вергилия, его сборник – «Буколики» (около 42-39 гг.). Одним из вариантов перевода есть «Пастушеские стихотворения». Состоит из десяти эклог (слово «эклога» греческого происхождения, соответствует русскому «избранное»). Ориентиром для «Буколик» послужили идиллии одного из крупнейших

греческих поэтов эллинистической эпохи – Феокрита. [3] Но если Феокрит, используя пастушескую маску для поэзии любовного томления, изображал пастухов с известным оттенком иронии, с подчеркнутым превосходством культуры автора над примитивизмом его фигур, то у Вергилия нету этой дистанции между автором и персонажами. «Буколики», составлявшие один из самых острых моментов гражданской войны, знаменовали бегство из действительности в идеальный мир «аркадцев», предающихся любви и поэзии. [6; 369]

Среди идиллических настроений Вергилия весомая роль отводится мифологическим мотивами. В эклоге девятой хмельной Силен, которого сдерживают цветочные узы Сатиров, поет в пещере о возникновении мира из традиционных античных элементов – земли, воды, воздуха и огня, о появлении твердой земли, лесов, зверей в лесах, солнца и дождей:

... В волнах забава какая?

Здесь запестрела весна, земля возле рек рассыпает

Множество разных цветов; серебристый висит тополь

Возле пещеры, шатром заплетаются гибкие лозы. [1; 68]

Эклоги имеют немалое количество мифологических образов – наяд, нимф, муз, Галатеи, Вакха, Орфея, Юпитера, Аполлона и др. Особого упоминания заслуживает мифологическая утопия, развиваемая в эклоге четвертом. Здесь Вергилий предлагает читателю некое мистическое пророчество, подобное предсказаниям знаменитого Нострадамуса:

Век последний уже пришел по пророчествам Кумским,

Снова великий веков рождается ныне порядок.

Дева приходит опять, приходит Сатурново царство.

Снова с высоких небес посылается новое племя.

Мальчика лишь охраняй, рожденного, с коим железный

Кончится век, золотой же возникнет, для целого мира. [1; 50]

Этими словами Вергилий повествует о рождении некоего чудесного младенца, который принесет с собой мир на всю землю: земля будет сама доставлять все необходимое для человека, прекратятся все войны не только среди людей, но и взаимное пожирание среди зверей, погибнут все ядовитые змеи и ядовитые растения, и вообще возродится новый золотой век на Земле. Эта эклога вызвала много споров, так как всем хотелось установить, о каком младенце идет речь у Вергилия. Делались разные предположения о разных известных людях, появлявшихся на свет в момент создания "Буколик". С развитием христианства, когда устанавливались его предвозвестники в языческом мире, появилась мысль о том, что Вергилий здесь пророчествует о рождении Христа. На рубеже старой и новой эры в античном мире вообще ходило много разных сказаний и пророчеств о наступлении золотого века. Это вполне понятно в связи с кризисом общества и вытекающими отсюда надеждами на новое мироустройство. Вергилий, живя в атмосфере подобного рода разочарований и надежд, внес свои идиллические настроения также и в изображение этого ожидаемого земного рая. [5]

«Георгики» Вергилий заменяет задуманным было, но отложенным на неопределенное будущее, философский эпос о природе. Эта никогда не осуществленная мечта навеяна поэмой Лукреция, увлечение которой заметно и в «Георгиках». К унаследованному от Лукреция пафосу неисчерпаемых живительных и разрушительных сил природы присоединяется характерное для Вергилия симпатическое переживание ее и теплое отношение к земледельческому труду. Поэма расцвечена живописной образностью и одушевлена разнообразными оттенками настроения, в которые автор погружает процесс сельскохозяйственной деятельности, особенно интересно любовное изображение животных и очеловечение их психики. [2]

В «Георгиках» Вергилий обещает составить поэму о деяниях Августа: императору хотелось, чтобы какой-нибудь видный поэт сделал его героем своего эпоса. От Вергилия ожидали традиционной в римской литературе

исторической поэмы с мифологической перспективой, с упоминанием о троянском происхождении рода Юлиев, в состав которого входил усыновленный Юлием Цезарем Август. Но когда Вергилий приступил к осуществлению плана, акценты переставились: он дал мифологическую поэму с исторической перспективой, с увязкой мифа и современности. Такая перемена замысла могла уязвить личное честолюбие императора, но она вполне соответствовала усвоенной им религиозно-консервативной политике, и Август благосклонно следил за работой Вергилия над поэмой о троянце Энее. Как мы знаем, полное художественное воплощение эта новая установка находит в «Энеиде». [6; 374]

Мифология «Георгик» выражается постоянным упоминанием многочисленных богов и демонов, но особенно ярко представлена в конце книги четвертой в мифе об Аристея и Орфее. У сына Аполлона и нимфы Кирены, Аристея, демона скотоводства и земледелия, погибли от внезапной болезни пчелы. Он обращается за помощью к своей матери, а та направляет его к оборотню Протею. Протей рассказывает ему о том, как от преследования Аристея бежала в море жена Орфея, Эвридика, как она была при этом ужалена ядовитой змеей и умерла:

... тебе Орфей несчастливец

Беды наслал не в меру вины, - чего боги не терпят, -

Значит, разгневан певец жестоко жены похищеньем,

Ибо, когда от тебя убегала, чтоб кинуться в реку,

Женщина эта, на смерть обреченная, не увидала

В гуще травы, возле ног, огромной змеи прибережной. [1; 152]

Орфей своим пением принудил подземных богов вернуть ему Эвридику, но та исчезла, когда на нее оглянулся Орфей. Тоскующего Орфея растерзали вакханки, а нимфы наслали мор на пчел Аристея. По совету Кирены Аристей после этого принес обильные умиловительные жертвы нимфам и получил пчел обратно. Этот миф, занимающий у Вергилия около

двух с половиной сотен стихов, рассказанный для углубления рассуждений по пчеловодству, имеет, конечно, вполне самостоятельное значение. Он тоже представляет собой смешение большой учености, изобилуя редкими именами и названиями, и проникновенной лирики в изображении чувств Аристея, Орфея и Кирены. Описание путешествия Аристея в глубину реки Пеней для свидания с матерью отличается пластикой (воды Пеней расступились перед ним и образовали свод для его свободного спуска), а тоска Орфея и его растерзание изображены без деталей. Обратничество Протея вполне напоминает картину его превращений в песни четвертой "Одиссеи". [2]

«Дайте дорогу, римские писатели и греки, должно появиться нечто большее, чем Илиада» [4; 162]. «Энеида» стала «книгой жизни» Вергилия, это историко-мифологическая героическая поэма. Вергилий берет на вооружение многие сюжетно-композиционные и стилевые приемы гомеровского эпоса, одновременно в поэме ощутима рука оригинального мастера, что проявилось в использованном Вергилием комплексе легенд и мифов о разрушении Трои, о судьбах воевавших под Троей героев. Мифологический элемент иллюстрировал мысль о божественном происхождении Рима. [3] Как мы можем понять, задачей Вергилия стало прославление Рима, римлян, Августа, что требовало достойной художественной формы.

Главным героем, родоначальником римлян, выступает в поэме Эней, один из участников Троянской войны:

Семь собрав кораблей из всего их множества, в эту
Бухту входит Эней...
... на утес взобравшись высокий,
Взглядом обводит простор: не плывут ли гонимые ветром
Капис или Антей, кораблей не видать ли фригийских
И не блеснут ли щиты с кормы Каика высокой. [1; 141-142]

Сын Анхиза и самой Венеры, он был родственником троянского царя Приама: оба вели свою родословную от Дардана, сына Зевса. Эней прибыл под Трою через девять лет после начала войны, был соратником Гектора, вместе с ним напал на ахейские корабли. Когда греки вошли в Трою, Эней храбро бился с врагами, чудом избежал гибели. Боги предназначали ему, что он станет основателем римского государства о чем и говорится в народных преданиях об Энее, издавна бытовавших в Италии.

Мифологические персонажи «сосуществуют» в поэме с реальными историческими лицами: во время посещения подземного мира Эней наблюдает тени многих деятелей римской истории. Герои зависят от воли богов. Последние, как и в гомеровских поэмах, нередко совещаются друг с другом, решают человеческие судьбы, вмешиваются в поступки людей. Немалую роль играют вещие сны, призраки умерших, пресказания:

Прежде всего Гелен, телиц по обряду заклавши,
Молит о мире богов, и повязки жреца распускает
Он на священном челе, и меня, о Феб, на порог твой
За руку сам он ведет, потрясенного близостью Бога. [1; 189]

Все своеобразие художественного стиля Вергилия в том, что у него мифологизм неотличим от историзма. Историей наполнено у Вергилия решительно все. Происхождение Рима, его растущая мощь и возникший в конце концов принципат - это те идеи, которым подчинен почти всякий художественный прием у него, даже такой, например, как описание или речь.

Многие считают «Энеиду» произведением надуманным и фантастическим, далеким от жизни, переполненным мифологией, в которую сам поэт не верит. Поэтому якобы художественный стиль "Энеиды" противоположен всякому реализму. Но реализм есть понятие историческое, и античный реализм, как и всякий реализм вообще, достаточно специфичен. В глазах строителей и современников восходящей Римской империи художественный стиль "Энеиды", несомненно, реалистичен. Верил ли

Вергилий в свою мифологию или нет? Разумеется, и речи быть не может о наивной и буквальной мифологической вере в этот век высокой цивилизации. Однако это не значит, что мифология у Вергилия есть сплошная фантастика. Мифология вводится в этой поэме исключительно в целях обобщений и обоснований римской истории. По Вергилию, Римская империя возникла в результате непреложных законов истории. Всю эту непреложность он выразил при помощи вторжения мифических сил в историю, поскольку обосновать эту непреложность каким-нибудь другим путем античный мир был вообще не в состоянии. [2]

-
1. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. / Пер. с лат.; вступ. статья М. Гаспарова/ Вергилий. – М.: Художественная литература, 1979 – 550 с.
  2. XI. Вергилий// Лосев А. Ф. Античная литература//<http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/losev/index.htm>
  3. Глава XI. Книга 2. // Гиленсон Б. А. Античная литература. Древний Рим//<http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/gilenson-drevnij-rim/vergij.htm>
  4. Кулаковский Ю. А. История римской литературы от начала Республики до начала Империи в конспективном изложении/ А. Ю. Кулаковский. — Киев: Издательский дом А+С, 2005. – 326 с.
  5. Распопин В. Н. Литература Древнего Рима. Вергилий: предзнаменования и шедевры/В. Н. Распопин//<http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/raspopin-rim/vergij.htm>
  6. Тронский И.М. История античной литературы/И. М. Тронский. – 3-е изд. — М.: Учпедгиз 1957. – С. 368 - 374// <http://antique-lit.niv.ru/tronskiy-i-m/vergij.htm>

ПОЭТИКА ЦВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ И А. БЛОКА

Непомящая О.

Проблема цветовой символики тесно связана как с проблемой психологического воздействия цвета, так и с его систематикой. У истоков культуры цвет был равноценен слову, служил символом различных вещей и понятий.